

• Памятники Тверской провинции

«Спасение в милосердии»

Монумент с таким названием стоит на 164 км. трассы М-9 («Балтия») рядом с поселком Князьи Горы Зубцовского района. Он соединяет два образа, которые в разных культурах стали символами надежды и мира: князя всея Руси Михаила Ярославича и японскую девочку Садако Сасаки, которая передает покровителю Тверской земли бумажного журавлика – символ мира и милосердия. Эта девочка была жертвой ядерной бомбардировки Хиросимы американцами. Она стала символом несломленного японского народа, поскольку свято верила, что если изготовить из бумаги (искусство оригами) тысячу журавликов, то можно победить болезнь и сбудется любое желание. Другая фигура, имеет героические тверские корни. Князь Михаил Тверской принял мученическую смерть в Золотой Орде «за други своя», принеся себя в жертву во имя спасения тверского народа от ханских войск. Место для памятника выбрано не случайно. Считают, что именно здесь произошло пятидневное стояние войск Юрия Московского и воеводы Кавгадыя перед Бортеневской битвой.

Монумент олицетворяет неприятие войн и насилия.

«К ЗАВЕТНОМУ ПОРОГУ МЫСЛЬ ТОРОПИТ...»

Сергей ПЕТРОВ

г. Тверь

Родился в 1965 г. в селе Горицы Кимрского района Калининской (ныне Тверской) области. В 1982 г. окончил Калининское суворовское училище, в 1986 г. – Одесское высшее артиллерийское командное ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе. В 1986–1989 гг. служил в Группе советских войск в Германии, затем работал в различных организациях г. Твери. Офицер запаса.

Автор поэтических сборников «Коллаж о плохом настроении» (1992), «Колыбельная для Петровой» (2004), «Серебряные иллюзии» (2014). Лауреат международного литературного конкурса Вадима Кисляка (Воронеж, 1997).

Первое стихотворение Сергея Петрова было напечатано в 1981 г. в газете «Красный воин» Московского военного округа. Он также публиковался в альманахе «Берновская осень», журналах «Советский воин» (Москва), «Северо-Муйские огни» (Республика Бурятия), газетах «Защитник Родины» (Одесский Краснознаменный военный округ), «Комсомольская правда», «Советская армия» (ГСВГ), в районной прессе Рязанской области, а также в тверской периодике («Тверская жизнь», «Тверская газета», «Русская провинция») и в кимрской районной газете «За коммунистический труд».

ГДЕ-ТО ТАМ...

Я знаю, в деревенском закулисье
есть то, что непонятно москвичам.
Здесь всякий школьник знает
стёжки лисьи,
и ходят девки к бабушке Анисье
для святочных гаданий по ночам.

Вещам здесь уготовано три срока
и даже больше, если захотеть.
Здесь в каждом деле строго ищут
прока
и знают, что соседская сорока
приносит ежедневно на хвосте.

Здесь время не идёт –
по-черепашьи
плетётся, не заметив новый цикл,
и чучело стоит на ржавой пашне,
пугая день, похожий на

вчерашний,
где дед ведёт лошадку под уздцы,

и я, малец в замызганной рубашке,
разинув рот, гляжу на облака,
не ведая, что жизнь не даст
поблажки –
лишь опечалит после литра
бражки
до самого победного глотка.

Здесь соткан день из суеверной
смеси,
когда стоит удача на кону,
и лик святой, и домовёнок вместе
хранят жилище чинно, честь по
чести,
и дружно не мешают никому.

(окончание на стр. 2).

(начало на стр. 1).

И где-то там, во временном
портале,
осколок сердца моего завис.
Шумят грачи, хозяева проталин.
Всё, что они по-птичьи наболтали,
расскажет на ночь некий добрый
лис,
и я усну, изобразив калачик.
Мечты всегда сбываются во снах.
В них мать моя от горестей не
плачет,
и счёт по волшебству сполна
оплачен,
и ранняя красуется весна.

* * *

Теперь всё сам –
и мать не оживёт,
не скрипнет в стылом доме
половица,
и больше никому не пригодится
отрез на платье, модный шевиот.
И никому ненужные дела
останутся, забудутся и сгинут,
уйдут навек в кладбищенскую
глину,
чтоб жизнь текла
уже на новый лад.
Я в малолетство уходил на «раз»–
на «два», как по команде,
возвращался,
а нынче дверью обозначился часом –
закрылась в детство тёплая нора.
Теперь не будет матери, притом
встревожится назойливая память.
А что такое память?
Это знамя.
Или знамени придуманный
фантом?
И мир теперь покажется другим,
хотя в округе – всё без изменений,
и большинству, как правило, до
фени,
что простился с самым дорогим.

Теперь всё сам...

УТОПИЯ НА ПОСЛЕЗАВТРА

Ты главный персонаж моей
утопии,
разыгранной в невидимых мирах.

К заветному порогу мысль
торопит, и
приходит время камни собирать.

Всё меньше персонажей в
окружении –
те, кто остались, вгрызлись в
удила.
Ладони потирают оружейники –
у них кипят серьёзные дела.

Я знаю, нам с тобою не
навёрстывать,
что не успели или не смогли.
В сиянии холодном – прежний
звёздный сад,
и рассекают вечность корабли.

На послезавтра напишу утопию,
мечты и сны с фантазией смешав.
Пустынный аксакал, курящий
опиум,
расскажет, где гостит моя душа,
кому она оказывает почести,
с кем пьёт до дна осеннее вино.
Тебе опять за занавес захочется –
побыть с мечтой далёкой заодно.

Окажется, загаданное сбудется.
Получится, всё пройдено не зря.
Опять тебе зарукоплещет улица
изысканным багрянцем сентября.

ЭПИТАФИЯ

Есть ощущение сиротства
на этой маленькой Земле,
не помешает степень роста
лежать в гробу навеселе.
Пусть неприкрытою угрозой
повеет от могильных плит,
но не останется вопросов
типичных: пить или не пить?

ЛИНИЯ ФРОНТА

Отворяли востока ворота,
ограждаясь стеною свинца...
Твердолобые!
Линия фронта
проходила здесь через сердца.
Насаждали нерусский порядок
и свою чужеземную власть.
Разрывались сердца, как снаряды.
Только линия не рвалась.
Нынче будут приспущены флаги.

Но испита ли чаша сия?
В этой линии где-то на фланге
был ещё не родившийся я.

* * *

Тайно и смутно надеюсь,
путая нечет и чёт,
ждём, что родится младенец.
Он-то нас грешных спасёт.
Будет он жить по соседству,
в сером пространстве двора,
нас примиряя посредством
вечного всё же добра.
И, попадаясь навстречу,
мягкий отвесит кивок.
Страшно,
что я не замечу
и не узнаю его.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

ДЛЯ ПЕТРОВОЙ

Зачем мне все, когда есть ты?
Поколобродил и застыл
крик «Горько» где-то на галёрке
застолья нашего, но вот
буквально все до одного
орут на бис, а между лёгких
обычно пряталась душа.
Она играть любила в прятки,
но в праздничный разгар ушла
в ботинки или даже пятки.

Зачем мне все, когда есть ты?
От добровольных понятих,
уже держать готовых свечки,
немного тошно, но опять
все приглашённые вопят...
Целуемся (пляшу от печки),
смеёмся, что-то говорим,
вдруг вспоминаем тётю Галю...
Так пропивали Третий Рим.
Примерно так, предполагаю.

Зачем мне все, когда есть ты?
Считается, что ты мой тыл.
Неправда! Ты передовая!
С тобою рядом мой окоп,
и ожидаемый потоп
переживём, передавая
друг дружке капельки того,
что не попробуешь на ощупь.
Произрастёт, я знаю точно,
зерно, посаженное в почву.

Зачем мне все, когда есть ты?

(продолжение, начало в №№19 (ноябрь) - 49 (май)).

Письмо сорок шестое

КАЖЕТСЯ, зима позади! Это увеличение дня, капель, голоса птиц, совсем другое небо.

Но проходит два-три дня, и... Нет, говорит зима, рано радуется, и во всю метели, снег, морозы, северный ветер, выдувающий из дома тепло и заставляющий подбрасывать в печь лишнюю охапку дров. Но настроение все равно уже другое. День-то ох как увеличился. Вот и домашняя библиотека претерпевает «инвентаризацию». На стол водружаются пчеловодство, огородная энциклопедия, строительные справочники, вытесняя на дальние полки философов, писателей, историков... В который уже раз дочитали с женой «Анну Каренину». Не хочу выписывать цитаты, но тот, кто внимательно прочтет роман (особенно вторую его часть), поймет, во-первых, что ничего и никогда в этом мире не меняется. А во-вторых, узнает, что Толстой написал совсем не то, что показали нам в кино или навесили на уши в различных учебных заведениях. Ну, как можно объективно понять Анну Каренину, если отсечь, замолчать то, что она

Письма сельского почтальона

была очень плохая мать, курила, выпивала, употребляла наркотики и вообще была очень похожа на своего брата, откровенного бездельника, жившего в долг и т. д.?

Вообще, «Война и мир» и «Анна Каренина» могут объяснить почти все человеческие коллизии, пороки и страсти. Но откладываю Толстого на полку, сверху кладу «Неопубликованные произведения» Ключевского. Это его исторические заметки, в которых еще два века назад объяснено и описано все, что происходит с нами сегодня.

Вообще-то, все давно сказано, и только те родители, которые приучат детей читать серьезные исторические и литературные источники, уберегут их от многих ошибок. Услышат они выступление какого-то очередного «вождя» и скажут: «Стоп, стоп, стоп! Где-то я уже это читал. Да у Лескова же или у Салтыкова-Щедрина!».

Тот, кто хорошо знает классическую русскую литературу, защищен от каверзных неожиданностей и сюрпризов со стороны окружающего общества. Он полностью согласится с Экклезиастом: «Суета сует, и всяческая суета и томление духа».

Какие-нибудь экологи то-сё пишут, ездят, выступают, а Владимир Солоухин возьми и скажи: «Среди вечных прекрасных берегов природы, неизменных и живущих по своим неизменным законам, течет мутный поток человеческой цивилизации». Вот и все, что тут еще можно добавить?

Ну да ладно. «Нельзя выпить из кувшина то, чего там нет» (восточная мудрость).

Вот и дороги к нам (опять) практически нет. Медсестру мы не видели с осени. Я невольно думаю, если Господь даст пожить

и мы останемся в деревне одни с женой (как самые молодые) или кто-то из наших бабушек доживет до 90 лет, что не исключено, любой оставшийся – обречен. Ради одного-двух ни дороги не будет, ни магазина, ни медпомощи, ни электричества. Одна надежда на «цунами», тогда, может быть, да и то... Вот оно, «светлое будущее». Дожили. А где-то там все говорят, говорят... Язык-то – без костей.

Среди всех туристических и прочих экскурсий и вояжей я организовал бы еще одну – в глухую деревню, к древней старухе, которая, улыбаясь беззубым ртом, сидит у лунки с удочкой. Или на скамейке у своего дома, или идет по лесу с лукошком, или копает огород, или стрижет овец, или, или, или...

А выпив рюмку своего самогона, и споет, и спляшет, и много чего порасскажет о своей жизни, о своей любви, о своих детях, о своем покойном муже, о войне, о хороводах, о праздниках.

Но при этом у нее нет никакого образования и никакого понятия о той белиберде, которая творится в какой-нибудь сотне километров от ее дома. В ее жизни все рядом. Интересно, что бы сказали туристы об этой старухе, которая послушала Творца и не рвала «яблоко с древа познания»? Потеряла она, что-либо, прожив практически без болезней до 80 лет, не имея во рту вставного протеза, а в шкафу современной дорожной одежды, готовя пищу в чугушке одного с ней возраста? Если у нее заболит что-нибудь, она пошарит в столе, где лежат десяток таблеток еще с хрущевских времен.

(окончание на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Выберет по только ей одной известному принципу одну или две, кинет их в рот и полезет на печку, где и происходит процесс выздоровления.

Если ты начнешь читать ей газету, она будет ее долго и внимательно слушать, склонив голову, а потом вдруг скажет: «А давай-ка, мы осенью крышу на сарае поправим. Я сейчас сосчитала, за лето три рулона рубероида можно купить. Вот ты мне поможешь, она и не будет течь».

А в это время где-то в Думе

солидные и умные с виду люди решают, как лучше обустроить ее жизнь. Они же поднимают вопросы о том, как научить молодого человека любить и защищать свою Родину, отняв у него национальность. Надо не принуждать человека любить и трудиться, а с детства приучать его к этому.

При том самым «учителям» неплохо бы познать, что это такое. Об этом очень хорошо сказал В. Ключевский («Четыре вида отрицания русской действительности»). «Свой ум вырабатывается только с помощью собственного труда, и

образование только тогда благотворно, когда ведет к пониманию действительности, которая нас окружает и к служению обществу, среди которого мы возвращаемся».

Вот так, «действительно-сти», а не «лапши», которую нам навешивают всеми возможными средствами, добавил бы я. А на дворе все равно весна, дожили!

Ну, пока.

Твой Д ЗА.

апрель 2005

СЕРЕБРЯНЫЕ ЛИЦА ЗВЁЗД

*О новой поэтической книге
Н. Смехачёвой и М. Кириченко*

Собрание современной тверской поэзии пополнилось не совсем обычной книгой. Во-первых, её авторы – Наталья Смехачёва и Марина Кириченко связаны прямыми и самыми дорогими родственными узами; во-вторых, помещённые в ней произведения – лирические и драматические – красочно иллюстрированы сразу несколькими художниками.

ОБОИХ поэтов – маму и дочку – объединяет талант, позволяющий создать в стихах свой неповторимый мир, до краёв наполненный любовью, добром, красотой и светлыми возвышенными мечтаниями. Поэтому их книга удивительно романтична не только содержанием, но и особой аурой, свободной даже от намёка на злободневность; по сути, образец чистого искусства в положительном, разумеется, смысле. Она не для тех, кто одержим рифмованной политической публицистикой или желанием мучиться в объятиях иссушающей «мировой скорби». Её читателями станут люди, жаждущие в жизни человечности, чистоты, отзывчивости, чуткости и

возможности радоваться тому прекрасному, что нас окружает. Впрочем, можно вспомнить и строки Беранже о безумце, который при известном условии «навеет человечеству сон золотой». А поэзия Н. Смехачёвой и М. Кириченко, помимо остального, облагораживает – и в эстетическом плане тоже – самозабвенной влюблённостью в родной город Торжок с уникальной, древней и героической историей. Посвящённые ему стихи словно вытканы золотым шитьём мастера из «града в сиреневом венце»...

Отдельные тематические соотнесения в лирических сюжетах вовсе не означают некоей сглаженности, одинаковости двух творческих манер; оба голоса звучат в унисон,

но по-разному: у каждого поэта – своё мировидение, собственная нюансировка вечных чувств, а также смелые и оригинальные метафоры, сравнения, эпитеты и олицетворения, в основе которых точные, единственные и яркие слова, необходимые только здесь – в данном катрене и стихотворении; экспрессия порой дополняется артистичностью: «И снова ветер-виртуоз // Терзает струны проводов, // Играя нам сюиту слёз // И увертюру холодов...» (М. Кириченко).

Стихотворения Натальи Смехачёвой пронизаны кипучим жизнелюбием. Даже неприветливый и снежный февраль у неё иной, весь в буйстве красок: «крахмально-белый», «нежно-алый»,

(окончание на стр. 5).

(начало на стр. 3).

«тёмно-синий и золотой»... Или, напротив, «одиноким, печальный и мудрый». Сколько оттенков, каждый из которых дышит тайнами макромира...

Она находит радость во всём: в длинном морозном вечере, созерцая, как «луна-улитка // чистит звёзды метельной крошкой»; в том, что дочка с весенней прогулки приносит «звёздочку кварца – лучистый подарок ручья» (вспомните, кто не забыл, одно из любимых мартовских развлечений); и в ожидании вдохновения под сенью «хризантем – облаков» и кораблями церквей, держащими курс на восход. Если внешние общественные обстоятельства ассоциируются исключительно с негативом, то стоит найти отрадную сторону жизни в другом, ощутить библиотерапевтический эффект хотя бы на короткое время – говорит нам поэт. А в перспективе, добавим, – понять себя, прояснить личностные проблемы и обрести исцеляющее состояние.

Реальная действительность, воспринимаемая одновременно зрением, слухом, разумом и поэтическим прозрением предстаёт у Н. Смехачёвой в причудливых, почти сказочных видах: «А Ночь проплывает за тёмным окошком // То лебедем чёрным, то жёлтою кошкой, // То перстнем серебряным с синим алмазом, // То остро горящим искусственным стражом...» Иногда приземлённая деталь соединяется с пространственной символикой, напоминающей зримую музыку полотен Чюрлёниса: Там гуляют грачи, Первым чёрным проталинам рады, И с небес прорастают лучи Фантастическим садом.

Гармоничное соединение быденного и фантастического – излюбленный приём в поэтике Н. Смехачёвой – с наибольшей наглядностью и цельностью воплотился в стихотворении «Волшебный вокзал», ставшем, по сути, эмоциональным камертоном и образным этало-

ном её лирики, ярко выделяющейся также динамичным и широким варьированием размеров и ритмики.

Впечатляет и жанровая палитра её произведений: кроме лирических медитаций, интересны обращения к античной мифологии (драма «Золотое яблоко из сада Гесперид» с ароматом классицизма, величием богов и героев) и к славянским легендам, подражания китайским поэтам Средневековья («Китайское путешествие»), парафразы библейских сюжетов, исторические поэмы «Золото инков», «Сиракузы», «Невская битва. 1240», миниатюры-«бусины», а также интермедийные опыты – стихи по мотивам живописных картин (сказанное относится и к М. Кириченко с её циклом «Синематограф» (кадры из фильмов)). Не будет преувеличением сказать, что Н. Смехачёва внесла значительный вклад в возрождение романтизма в тверской поэзии, придав ему новый свежий импульс, например, поэмой «Страна Вечной Юности» и рядом аналогичных лироэпических сюжетов, вдохновлённых, думается, и атмосферой приключений в морских рассказах А. Грина. Иногда под романтическим флёром скрывается притча – в мыслях о Родине, о предназначении человека, свободе выбора им жизненного пути, поиске и утрате идеалов.

В лирике Марины Кириченко подкупают искренностью, самобытностью и чувственной глубиной пейзажи души, продолжающие фетовскую традицию, нечастую в XXI веке. Они чаще всего элегичны, размеренно-печальны и спокойны, и нагнетание мотивов одиночества, непонимания, потерянности, вопросов без ответов очень заметно; одна из медитаций угнетающе пессимистична: «Реальная жизнь противна... Реальная жизнь ужасна...» Эпизоды тягостных переживаний, которые тоже овладевают поэтом, чутко реагирующим на несовершенство мира и на потерянную или не обретенную любовь. Лирическая героиня, словно чётки, перебирает

свои разочарования и сожаления, иногда повторяясь. Ночь – наиболее частый гость в её стихах: «Ночь расцвела – я ждала не напрасно: // Вот они – звёзд голубые букеты!» Именно в эту пору воображение раскованно и свободно от дневных условностей, дух раскрепощён, а во сне и «печаль светла», «и любовь прекрасна». Может показаться, что её грёзы вызваны лишь стремлением наглухо заслониться от надоевших проблем будничности; на самом деле М. Кириченко открывает в этой будничности скрытую от обычных (= непоэтических, обывательских) глаз красоту: «Зажигают от заката до зари // Боги – звёзды, ну а люди фонари...» Мечтательный и в чём-то привлекательно-меланхоличный настрой её стихотворений не отпускает и отсылает к художественному опыту русского сентиментализма:

*Пусть светом не станет тьма,
А холод огнём,
Но всё же пройдёт зима
И в сердце моём.*

Впрочем, даже в миноре поэт задаётся философскими вопросами: «Дойти до вершины сумею. // А что же потом?» Если вершина – символ достижения высшей реализации, скажем, творчества или иного призвания, что же потом? Скольжение вниз, к исходному рубежу или дальнейшее следование метафизическим надмирным путём в отражённом фокусе вершины? Кто рискнёт дать доходчивый ответ? Но «пылают строчки на листе...» и мы понимаем, что Марина Кириченко не одинока, пока наслаждается благоуханием сада своей поэзии, который она упорно и с воодушевлением взращивает. Так оглянемся вокруг и последуем её призыву: «Смотри, мой друг, какая красота!», чтобы не загрубеть и не очерстветь душой и сердцем.

Александр Бойников,
член Союза писателей России,
г. Тверь

«А МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ»

6 мая 2021 года в деревне Борки Великолукского района прошёл 37-й Всероссийский праздник фронтовой поэзии «А музы не молчат».

Мероприятие по традиции состоялось на площадке у литературно-художественного музея истории Великой Отечественной войны имени Ивана Афанасьевича Васильева — писателя-публициста, фрон-

тировый Сухов, а также прозаики Иван Иванович Виноградов, Евгений Павлович Нечаев.

Более 30 лет ведущим праздника был известный русский писатель, литературный критик Валентин Яковлевич Курбатов.

товика, лауреата Ленинской и Государственной премий и основателя поэтического праздника.

В разные годы на праздник приезжали писатели-фронтовики — поэты Марк Самойлович Лисянский, Николай Константинович Старшинов, Иван Васильевич Виноградов, Лев Иванович Маляков, Игорь Николаевич Григорьев, Овидий Михайлович Любиков, Фёдор

Сква, Любовь Колесник, г. Ржев, Игорь Столяров г. Нелидово, Владимир Юринов г. Андреаполь, поэты из Пскова Надежда Камянчук, Валерий Мухин и Тамара Соловьёва, а также великолукские поэты Андрей Канавщиков и Людмила Скатова.

Рефреном стихам современных поэтов звучали произведения поэтов-фронтовиков в декламации молодых артистов Великолукского драматического театра.

Завершился праздник концертом артистов г. Великие Луки и Великолукского района.

На снимках: учащиеся с плакатами поэтов-фронтовиков, В. Юринов с супругой, Игорь Столяров.

По традиции перед началом праздника на воинском захоронении, расположенном рядом с музеем, прошла лития по воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. Гости праздника почтили память павших воинов минутой молчания и возложили цветы к мемориалу «Скорбящая», установленному на братской могиле.

Свои стихи о Великой Отечественной войне прочитали поэты Алексей Полубота, г. Мо-

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТОРОВ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ

Диана Мун

Родилась 28 июня 1988 г. Тверская поэтесса и прозаик, автор трёх стихотворных сборников: «Соловетра», «Карманная радуга», «Календарь метаморфоз» (2017), а также аудиокниги стихотворений («) за скобками» (2017).

Глава областной творческой ассоциации «Содружество литераторов Верхневолжья», руководитель творческого объединения «Струны души», художественный руководитель и организатор Регионального праздника поэзии «Верхневолжские чтения».

Публиковалась в периодике Твери и области, альманахах «Бийский вестник» (Алтайский край), «Московский парнас» (Москва), «Тверской литературный альманах» (Тверь), «Каблуковская радуга», «Берновская осень» (Тверь) и др.

* * *

Заката пламенный рубин,
Не приукрасит захудалость.
Нет смысла дерево рубить.
Коль без корней оно осталось.

Умом своим непросто жить,
Мы ожидаем манну с неба...
И так привыкли к вечной лжи,
Что правда кажется нелепой.

Мы долго спали. Сонный плен
Страшнее всех капитуляций.

Хотим страну поднять с колен...
Да нам с диванов бы подняться!

На деле – каждый за себя.
Людей не видно, лишь футляры.
Одни – о будущем скорбят,
Другие – души лечат в барах.

Конца и края не видать
Всепоглощающей разрухе.
Беда невольнику, когда
Его хозяева не в духе...

Наивно предвкушать успех,
Приняв нули за единицы.

Чего мы ждём? Когда нас всех
Попросят самоустраниться?

В бредовых правилах чужих,
Подвох легко заметит каждый.
Умом своим непросто жить,
Но мы осмелимся однажды.

* * *

Зима не вечна, наступит время –
Растает в душах намёрзший лёд.
И неизбежно мы будем с теми,
Кто примет полностью и поймёт.

Обнимет ласково у порога,
С улыбкой выйдя тебя встречать.
Рассказы слушая без упрёка,
Нальёт душистый горячий чай.

И все заботы исчезнут сразу,
Как будто не было их совсем.
И станет чистым кристально
разум,
Без лишних домыслов и проблем.

Зима не вечна. Легко растает
Повсюду серый невзрачный лёд.
И правда будет сиять простая:
Кто любит – даже без слов поймёт!

Сергей Черкасов

Родился в Твери в 1995 году, где и проживает по сей день. Член творческого объединения «Струны души», активный участник литературной жизни Верхневолжья (и родного города). Увлекается ролевыми играми и различными видами творчества, не ограничиваясь литературой. Является организатором и непосредственным

участником музыкально-поэтических шоу. Дважды победитель конкурса «Неоновая муза» (в номинациях «Лучший сценический образ» и «Лучшее стихотворение фестиваля»). Серебряный призёр областного конкурса «Привет, поэт». Автор поэтического сборника «Между мирами».

КРАСКАМИ (ВЕРЛИБР)

Я рисую котенка рыжего
На бетонной стене в центре города.
Я рисую мелками, красками,
Светом солнца и радостной музыкой.

Принесу одеяло теплое,
Чтоб зимой не грустило творение
И оставлю здесь плеер с колонками,
Чтоб послушал он регги веселое.

Пусть прохожие все умиляются,
А котенок под солнцем нежится.
Хоть он красками нарисованный,
Но живой, уж поверьте мне на слово.

ФЕНИКС

Я создан из горечи пепельной пыли
Ребенок стихии огня своенравный.
Галактики мне тайны мира открыли
И жизнь подарили под небом бескрайним...

Я огненный феникс на Солнце
взращенный
Дарующий вечность безумному миру.
Космический ангел, на жизнь обреченный,
Взлетающий к звездам под пение лиры.

Пылающим сердцем лечу я по краю
Небес и земли, что меня приютили.
Но время приходит, в огне погибаю
И вновь воскресаю из пепельной пыли...

• Литературное краеведение

Владимир Смирнов

Родился 1 января 1950 года. Первое профессиональное образование получил, окончив с отличием Ленинградский кинотехникум, где во время производственной практики посчастливилось самостоятельно снять два короткометражных фильма. После недолгой работы по распределению была срочная служба в зенитно-ракетных войсках в Заполярье, которую завершил в звании офицера.

В 1975 году Владимир Константинович вернулся на малую родину, в п. Охват, где провёл свою недолгую, но насыщенную, интересную жизнь. Вся его трудовая деятельность была связана с Охватским леспромхозом. На протяжении нескольких лет он возглавлял совет трудового коллектива и профсоюзную организацию предприятия, избирался членом совета трудового коллектива треста «Агропромстройматериалы» и группы народного контроля. Это был тот случай, когда личные и общественные интересы слились воедино, а жизнь и здоровье отдавались без остатка. Здесь не только решали рабочие, технические, хозяйственные, административные вопросы, но и проводили досуг большой производственной семьёй: в красном уголке ЛПХ № 4 организовывались вечера отдыха «От всей души», в СДК устраивали концерты художественной самодеятельности, агитбригадой выезжали в соседние деревни подшефного совхоза.

«ДУША СВЕТЛА И ДЫШИТСЯ ЛЕГКО...»

ЛУННАЯ НЕЖНОСТЬ НОЧЕЙ

Звёзды прорезались в бархате
синем,
ветер уснул, заискрилась роса...
Лунные тени, туман – белый
иней...

И озорные глаза!..

Жгучие, страстные, сердце
щемящие,
кажется, больно взглянуть!..

Вот приближаются веки упавшие,
жадно сливаются губы дрожащие,
руки ложатся на грудь.

О, те минуты, секунды,
мгновения!..

Многое б отдал за них.
Жаль, что в душе лишь одно
вдохновение –
светлой любви первозданное пение
да наспех написанный стих.

Нежная, гордая, чистая, милая!
Как ещё краше назвать?
Быстрая, лёгкая, неповторимая!
Жарко, до боли всем сердцем
любимая!

Что ж о себе рассказать?..

Капризное тихое лето кончается –
темнеет всё раньше,
рассвет всё поздней.

А сердце горит, из груди
вырывается,
молодость к счастью стремится и
мается...

...лунная нежность ночей!..
Жаль, наша жизнь почему-то
устроена
как-то не так, как мечтается мне.
Непостижима она и расстроена...
Время течёт, как во сне.

МНЕ ЧАСТО СНИТСЯ...

Давно идёт шестой десяток,
и нету на плечах погон.
Велик ли жизни мой остаток?
А мне всё снится тот же сон.

...Звучит: «К торжественному
маршу!...»

И закипает крови ток.
Нет мига сладостней и краше,
чтоб сердце так растрогать мог.

Я снова молод! Прочь седины!
Да их и вовсе нет седин.
Иду в строю бойцов едином,
в руках не дрогнет карабин.

И в силу я, как прежде, верю
штыка, приклада и огня.
А северный скалистый берег
с восторгом смотрит на меня.

На части душу рвёт «Славянка»,
алеет кровью ратный стяг...
Жаль, на родимом полустанке
не видят мой печатный шаг.

Я горд за матушку Россию,
патриотичен сердца стук.
Вот так же чётко и красиво
пройдёт в строю любимый внук.

И неспроста мне часто снится
белая мощь и красота.
Хочу я Родиной гордиться,
как в те далёкие года.

ФЕЕРИЯ ЗИМНЕГО ЛЕСА

Снегов природа ждать давно
устала.
И вот вам разродились небеса –
снег уложили на таким лекалам,
ни дать ни взять, – сплошные
чудеса.

В то утро всем своё творенье,
как панораму, предъявил февраль.
С крыльца нерукотворное виденье
уносит взоры за собою вдаль.

Из сумерек, как сказочные фрески,
встают на удивление глазам
немыслимых узоров арабески,
и лес под снегом, как хрустальный
храм.

(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Берёзовые «портики» с опушки
нам открывают колоннаду леса,
где, как фронтоны, хвойные
макушки
«лепниною» украшены навесом.

Сегодня лес достоин восхищения,
а поклонения всегда достоин он.
И для меня, рождённого в деревне,
наш русский лес – священный
пантеон.

А память детства бережёт картину:
коровий рёв разносится окрест,
и в чащах леса, девственно
невинных,
звучит с рассвета птичий
благовест.

Алмазами горят в листе росинки,
душа светла и дышится легко...
Стоят шеренгой глиняные кринки,
а в них, как снег, парное молоко.

Беру лопату разгрести сугробы.
Немалые потребуются силы.
Снежку февраль подкинул, видно,
чтобы
не забывали – мы живём в
России.

БОЛЬ МОЯ

*Дочерям Оксане
и Марине посвящается*
Доченьки милые, доченьки
нежные,
боль моя!
Плачут под окнами, плачут под
крышами
капли дождя.
А между каплями, а между
струями
сад цветёт.
Доченьки милые, доченьки
нежные,
он вас ждёт.
Верю, любимые, знаю, красивые,
встретимся мы.
Вам подарю я, всем сердцем
любимые,
праздник весны.
Ночью весеннюю души согреют
вам соловьи.
Помните свято, кровинки родимые,
корни свои.
Душеньки юные, душеньки
светлые
также цветут.

Знаю и верю, верю и знаю,
что они ждут.
В пору цветения девушки юные
жаждут любви...
Ох, берегите сердечки ранимые,
дочки мои!
Часто бывает, мои ненаглядные,
больно до слёз,
если на сада красу первозданную
грянет мороз.
Только хозяин заботой отеческой
сад свой спасёт –
горечью дыма и жаром сердечным
стынь отведёт...
Пусть не случаются, пусть вам
расскажут
капли дождя.
Всё разделяю, люблю и страдаю
с вами и я.

РОДНОЕ КРЫЛЕЧКО, ТЕБЯ ВСПОМИНАЮ

Капли-дождинки по стеклам
скользят,
лениво с шинели на землю
стекают.
А скоро уже закружит снегопад,
снежинки на землю роняя.
И бурая тундра оденется бело,
и снег захрустит под моим
каблуком,
и солнце уйдёт, что нас ласково
грело
и вспыхнет сиянье зелёным огнём.
Я выйду в дорогу, отчаянно молод,
и воздух морозный всей грудью
вдохну,
на берег суровый, что искренне
дорог,
с гражданских позиций надменно
взгляну.
И будет тропинка та самой
короткой
познавшему трудность солдатских
дорог.
Взойду на крылечко я твёрдой
походкой
и снег обоюдно обязательно с ног.
По этим ступенькам давно ли
зимою
я к сверстникам бегал в снежки
поиграть.
На это крылечко осенней порою

мать вышла на службу меня
проводить.

...Стою на посту. Дождь ушёл
стороною.
Лишь капли дождинки с шинели
стекают.
Осенняя тундра, покой над
страною,
родное крылечко, я вас охраняю.

К СЛОВУ О ВЕРНОСТИ...

(Сон в новогоднюю ночь)
Светло люблю я, искренне и
трепетно,
тебе присвоил лучшие черты...
Но в чувствах ты небрежна, даже
ветрена.
Нельзя, родная, так любить, как
ты.

Ты чувства тратишь в
беспредметных ссорах.
...Но неразрывна преданности
нить.
Сердце я не нарушу договора –
даже во сне не в силах изменить.

...Под Новый год приснится же
такое!
Коварно ночь подбросила
экспромт.
И в миг лишила хрупкого покоя:
...с другой в объятьях...
Вот попутал чёрт!

Дышало жаром у смуглянки тело
неотразимой жгучей красоты,
лукаво страсть в глазах сиреной
пела,
обожествляя нежные черты!

Плоть взорвалась безудержным
желаньем –
блаженство предвещал мне сонный
рок...
Но ты пришла незримая в сознание –
даже во сне я изменить не смог.

И лестно мне,
что, взяв перо, бумагу,
открыться смею другу и врагу:
обет венчанья свято, как присягу,
и ныне в верном сердце берегу.

ДОМ, В КОТОРОМ...

*Из воспоминаний бывшего
калининского суворовца*

ТВЕРЬ с 4 ноября 2010 года – город воинской славы. Сама история сделала его городом военных. После Бортеневской битвы 1317-го года за Тверью на века осталась слава русского города, одержавшего первую победу над ордынскими татарами. Спустя много веков, в битвах с армией Наполеона тверское военное ополчение проявило исключительную стойкость и храбрость. Отметим попутно, что в рядах ополчения находилось 80 старших учеников Тверской духовной семинарии, добровольно вступивших в егерский батальон великой княгини Екатерины Павловны. Со времен Петра Великого в Твери постоянно присутствуют регулярные воинские формирования. В первой половине XIX-го века на берегах речки Лазури и Тьмаки, в то время окраинной части города, были построены казармы для 7-й кавалерийской дивизии императорской армии. В 1865 году в городе открывается Кавалерийское юнкерское училище. Император Александр II был даже готов отдать юнкерам царский Путевой дворец, но поскольку там проводился капитальный ремонт, для училища выделили здания и манеж, принадлежавшие кавалерийской дивизии. Из тверских юнкеров выйдут сотни известных офицеров и генералов царской армии. После Революции 1917 года на базе училища будет создана Школа подготовки командиров красной кавалерии.

С появлением в городе в 1943 году нашего СВУ для его жителей привычной стала картина марширующих по улицам суворовских рот. Тогда же в годы войны в Твери, после эвакуации располагается быв-

шая Харьковская Академия тыла и снабжения РККА, которая в 50-е годы будет перебазирована в Ленинград.

Во второй половине 40-х в Калинин появляются летчики реактивной авиации. Их грохочущий аэродром в окрестном Мигалово, юные офицеры, соперничающие с суворовцами в выправке и готовности отстаивать честь мундира, вернут городу тот прежний военный флёр, который присутствовал в нем во времена кавалерийской дивизии и юнкерской школы. Впрочем, всё это были только «цветочки», только начало большого военного авиационно-космического будущего города. Врата в это будущее приоткрылись с появлением в Твери одной из самых мощных и престижных высших школ Российских Вооруженных Сил – Военной академии воздушно-космической обороны имени маршала Г.К. Жукова. Врата эти распахнулись, когда в XXI-м веке в нашем военном ведомстве созрело новое видение российского военного образования. В силу этого видения, Тверское СВУ сначала оказалось «под присмотром» командования Воздушно-космических сил (ВКС), а затем началось его существенное расширение и в районе Мигалово для суворовцев построили новый учебно-жилой комплекс. В Твери образовался, говоря новым языком, военный кластер, включающий суворовцев, ориентируемых с малых лет на военно-космическую службу, летчиков ВВС с их «реактивным» аэродромом и Академию воздушно космической обороны. Взаимодействие этих трех элементов превращает Тверь в уникальный центр подготовки с

детства офицерских кадров ВКС.

Нельзя не отметить интересный факт тверской военной истории. 19 декабря было в свое время Днем Тверской кавалерийской юнкерской школы, её главным праздником.

Сегодня в помещениях юнкерской школы располагается академия ВКС; 19 декабря православные верующие отмечают День Николая Чудотворца – покровителя военных. 19 декабря 1943 года стало Днем Тверского (Калининского) СВУ, днем его рождения. Ныне это главный училищный праздник. Как сказал бы первосуворовец Юрий Иванович Сабельников, «мистика какая-то!» А может быть и не мистика, а Знак Судьбы. Знак счастливой судьбы! Со временем, когда в мире прекратятся войны и главные заботы всех земель будут связаны с мирным освоением Космоса, Тверь неминуемо станет центром подготовки покорителей Космоса, специалистов самых разных профессий, которые потребуются для работы во внеземных условиях. Уверен, у нашего города большое космическое будущее.

Город юности! Мы бережно храним его в нашей памяти и используем любую возможность, чтобы навестить его. Он, конечно, меняется, но не столь стремительно, чтобы не увидеть в его облике прежние знакомые нам черты.
(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

При каждой новой встрече наплывает волна воспоминаний, и мы готовы часами без усталости бродить и любоваться его улицами, зданиями, Городским садом, Волгой, старым и новым мостами, соединяющими её берега. Но есть в городе место, святое для каждого, - наш родной дом, Дом училища.

Ведь мы и приезжаем-то в Тверь ради того, чтобы побывать в нем, в его стенах. В монументальном здании с «церковным» фасадом, которое в 1943 году увидели первые суворовцы, до 1918 года жили, учились и молились семинаристы. Дом этот был специально построен в конце XIX века для Тверской духовной семинарии, учебного заведения, широко известного в дореволюционной России. История ТДС восходит к 1722 году, когда на островке в устье Тьмаки, в монастыре при церкви Святого Федора православные иерархи открыли детскую Славяно-русскую школу. Церковь Святого Федора, как сообщают древние источники, была построена в 1325 году и находилась она в том месте, где ныне возведена часовня в память Михаила Тверского. В 1739 году, по настоянию тверского архиепископа, начальную Славяно-русскую школу перевели из монастыря в каменные палаты тверского кремля, а затем, Священный Синод решил преобразовать школу в духовную семинарию. Так в Твери появилось первое среднее учебное заведение.

После большого пожара 1763 года семинаристов-погорельцев вернули в прежнее монастырское здание, в котором они находились до 1810 года, когда их переселили в более просторные палаты при церкви Святого Николая на Зверинце. В семинарии в то время уже обучалось около 200 человек. Принимали в нее мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет. Помимо основных предметов - богословия и древних языков, семинаристы изучали русскую грамматику, риторику, пиитику, философию. В старших классах обучение велось на латинском языке.

Дисциплина в семинарии была строжайшая, непослушных и нерадивых учеников нещадно секли розгами. В результате многочис-

ленных преобразований (1764, 1809, 1867, 1874, 1884 гг.) менялись преподавания, вводились новые предметы. Семинария, где учились в основном дети духовных лиц, готовила священников, но некоторые её выпускники становились учителями, другие продолжали образование в светских высших учебных заведениях. В конце XIX века учебный процесс разделили на два направления: общеобразовательное и специальное богословское. Преподавание общеобразовательных дисциплин велось только на русском языке.

Тогда же расширился круг общеобразовательных предметов, в частности, больше внимания стали уделять изучению языков и к древнегреческому, латинскому, древнееврейскому добавили немецкий и французский.

Среди выпускников ТДС в разные эпохи наибольшую известность приобрели русский историк и краевед Д.И. Карманов, проф. Царскосельского лицея А.П. Куницын, доктор медицины И.Г. Березин, ученый-химик А.А. Воскресенский, профессор механики И.А. Вышнеградский, военный специалист и публицист А.И. Тодорский, известный большевистский деятель С.В. Модестов. К началу XX века число учащихся возросло до 600-650 человек. В ТДС имелась богатейшая библиотека, основу которой составляло личное собрание старопечатных книг и старинных рукописей архиепископа Феофилакта Лопатинского, пожалованное им в дар учебному заведению в середине XVIII века. Трудно сказать, достались ли СВУ какие-то книги из фонда семинарии, но наша училищная библиотека отличалась редким книжным богатством.

Здания, доставшиеся суворовцам, были спроектированы специально для ТДС архитектором В.Н. Козловым. Их строительство началось в 1878 году и завершилось в 1881-м. Весь комплекс строений со всеми внутренними помещениями освятили, после чего их заняли семинаристы.

Немало работало в ТДС замечательных педагогов, но мы расскажем лишь об одном. В 1906 году руководителем семинарского хора

стал Александр Васильевич Александров (1883-1946) - создатель знаменитого Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, автор музыки Гимна СССР и современной России. А тогда А.В. Александров, выпускник регентских классов придворной певческой капеллы, проучившийся два года в Петербургской консерватории в классе композиторов Глазунова и Лядова, получил назначение в Тверь как регент архиерейского хора Спасо-Преображенского собора. Заниматься по совместительству с семинаристами его пригласил ректор ТДС Вениамин (Федченков), впоследствии один из известнейших деятелей православной церкви. В 1909 году Александров уедет в Москву для продолжения учебы в Московской консерватории, но в 1913 году вернется в Тверь и продолжит обучать семинаристов. В 1918 году Духовная семинария будет закрыта. С 1919 по октябрь 1941 года в этом здании будет находиться Единая трудовая школа, затем городская средняя школа. В годы войны в нем будет какое-то время располагаться военный госпиталь.

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

Каким же запомнился наш дом суворовских 40-х – 50-х годов? От угла улицы Софьи Перовской по Краснофлотской набережной надо было пройти шагов сто вдоль монументальной ограды, чтобы оказаться перед училищными железными воротами и небольшим домиком проходной. И вот мы на территории училища перед монументальным фасадом, тем, который напоминал первым суворовцам церковный храм. У ступеней парадного входа нас встречают два 75-мм артиллерийских орудия французского производства времен Первой мировой войны. Открываем тяжелые двери и входим в просторный вестибюль. Перед нами высокие арки, опирающиеся на массивные четырехугольные колонны. В конце 1943 и в начале 1944 года в вестибюле дежурил бородатый швейцар в золоченой ливрее. Должность швейцара имела в штатном расписании дореволюционных кадетских корпусов, а потому её утвердили и для суворовских училищ. Этот «пережиток старого мира» продержался в училище лишь до конца февраля 1944 года.

Итак, мы в училищном вестибюле 40-х годов. Вдоль его стен справа и слева в каменных нишах висят портреты великих полководцев прошлого. Портреты словно иллюстрируют речь И.В. Сталина на

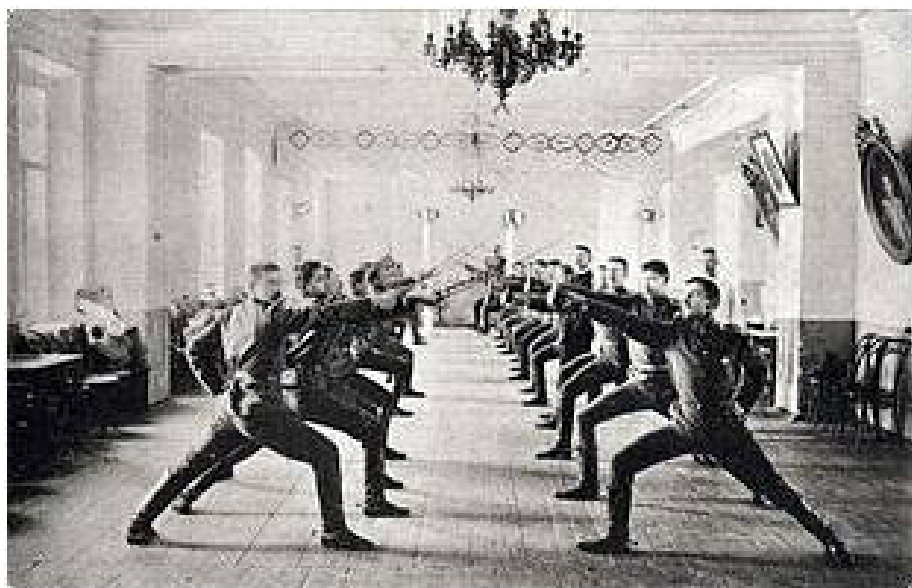
военном параде в Москве 7 ноября 1941-го года, когда он напутствовал уходящие с Красной площади на фронт войска: «... и пусть вас вдохновляют мужественные образы наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова...». Портрет А.В. Суворова занимает особое место. Он помещен на фронтальной стене, над площадкой, куда ведут ступени широкой каменной лестницы.

Площадка с портретом полководца – место значимое. На ней напротив комнаты дежурного офицера хранилось под стеклянным колпаком Знамя училища. Там же была укрепленна на стене Доска Почета с портретами отличников. Офицерская «дежурка» находилась в левой части площадки, по соседству с ней в отдельном помещении дежурил горнист – военнослужащий из училищного оркестра. Две главные лестницы, в левой и правой частях площадки, вели на верхние этажи здания. По левой лестнице можно было подняться в актовй зал на втором этаже, в расположения учебных рот второго и третьего этажей. Под ней же, в глухом закутке у её основания, был устроен карцер. Там отбывали наказания наиболее злостные нарушители дисциплины и воинского порядка. Правая

главная лестница вела в расположения других учебных рот с их просторными коридорами, спальнями, классами. В левой оконечности площадки вела в подвальное пространство каменная узкая лестница. Там находились залы столовой и всё хозяйство училищной кухни. Правая оконечность площадки вела в отдельное крыло здания, где были кабинеты начальника училища, его заместителей, комнаты преподавателей, учебные кабинеты, канцелярии... Спортзал, библиотека с читальным залом, комнаты для занятий балльными танцами, для занятий в кружках – все находилось в этом главном здании училища.

В училищный комплекс входил двухэтажный дом во дворе. В нем на втором этаже вплоть до 1953 года находилась квартира, в которой жил с семьей начальник училища. Из окон своей резиденции он мог видеть весь училищный двор и главное здание. В другой же, значительно большей части второго этажа располагались «санчасть», помещение «карантина», лазарет. Через два года санчасть переедет в главное здание, а в освободившихся помещениях разместятся классы и спальни младших рот. Из строений во дворе нельзя не вспомнить приземистый каменный дом бани и прачечной. За баней территорию училища от Школьного переулка (нынешней улицы Ефимова) ограждал деревянный забор, который заканчивался возле конюшни. Последняя была уже частью хозяйственного двора. Помимо конюшни, на хоздворе были ангар и навес для автотранспорта. Рядом с двумя автомобилями под навесом стояла настоящая противотанковая пушка. Ответственный за орудие офицер-артиллерист на занятиях по военной подготовке знакомил ребят с устройством орудия. Офицер также был мастером по изготовлению холостых зарядов. Его заряды использовались для пальбы из пушки в летних лагерях – на торжествах по случаю их открытия и закрытия, а также во время летних военных игр.

(окончание на стр. 13).

(начало на стр. 10-12).

Хоздвор имел свои ворота, выходящие на Краснофлотскую набережную.

Просторный училищный двор был местом общих построений, строевых, пространством для спортивных игр, занятий по физкультуре и конной подготовке. На переменах между уроками, мы, вылетев стрелой из классов, гоняли там тряпичные мячи, играли в лапту. Во дворе в двух местах были врыты вертикально в землю деревянные столбы. На них параллельно земле почти на полутораметровой высоте были укреплены длинные и довольно толстые древесные стволы. По наклонному бревну можно было вбежать на такой ствол и спуститься с него по наклонному же бревну на другом конце. На этих «снарядах», именуемых «бумами», мы отчаянно сражались: разделившись на команды, сбивали с бревна друг друга на землю. Но самым приятным был аттракцион, именуемый «гигантскими шагами». Он представлял собой глубоко врытый и надежно забетонированный высокий столб, на вершине которого был закреплен на подшипнике диск автомобильного колеса. Шесть толстых канатов, привязанных к колесу, заканчивались внизу петлями. Взявшись за канат, шестеро ребят разбегались, чтобы раскрутить колесо, и когда скорость вращения была достаточно высокой, все шестеро, продев ногу в петлю, взмывали над землей. Они кружились, взлетая в воздух, поочередно снова разбегались, когда снижалась скорость вращения, иногда они сталкивались в воздухе, случалось, кто-то, не удержавшись в петле каната, падал на землю, разбивал нос, обдирая до крови руки и колени. И мгновенно место упавшего занимал кто-нибудь из зрителей. Забава нравилась всем и, когда позволяло время, мы спешили наперегонки к «гигантским шагам», разгонялись, взлетали ввысь и кружились, кружились, замирая от восторга.

Территорию училища со стороны Волги ограничивал деревянный забор, за которым высится и поныне многоэтажный «дом реч-

ников». Между нашим хоздвором и «домом речников» располагается старый кирпичный одноэтажный дом, семь окон фасада которого выходят на Краснофлотскую набережную. Дом этот находился в полуразрушенном состоянии, но в конце сороковых годов городские власти отдали его училищу, и после основательного ремонта в нем разместилась наша «санчасть».

Между набережной и Волгой было большое поле, где обитатели «дома речников» выращивали картофель и капусту. В 1948 году всю обширную территорию от набережной до Волги передали училищу. На бывшем капустном поле устроили стадион, тир, а в левом его крыле расположился учебно-опытный участок училищного кабинета биологии и ботаники. На воде у берега Волги в конце каждой весны сооружалось некое подобие 25-метрового спортивного бассейна, где проходили уроки и соревнования по плаванию.

Мы обожали наш училищный дом, нередко рисовали его в плане, старательно выводя каждый уголок, каждый изгиб монументального здания. На ежегодные училищные конкурсы рукодельного творчества кто-нибудь из ребят представлял макет здания училища, склеенный из картона и бумаги. Внутри помещали лампочки от карманного фонарика, соединенные проводами с батарейками. Электрическая цепь замыкалась, и из окон макета здания, как из настоящего большого дома, струился электрический свет.

х х х

Каждый, оказавшийся в училище после долгих лет разлуки с ним, непременно испытывает смешанное чувство теплоты и отчужденности. Это и понятно: училищные корпуса обрели иные очертания, появились новые здания, в которых живут и учатся новые поколения воспитанников. Давно нет близких твоему сердцу офицеров, сержантов, педагогов, слышны иные звуки, в помещениях царит дух другого времени. Невольно приходит мысль, что ты чужой в этом доме, который был когда-то твоим. Но это лишь мимолетное наважде-

ние. Ведь не зря сжимается грудь, не просто так в глубине души своей ты бесконечно рад встрече с Ним - твоим Домом. И пусть он изменился, наполнился новыми лицами, новым содержанием, но это твой Дом! Он готов принять тебя в свои объятия, в нем каждая стена и каждая ступень каменных лестниц хранят память о тебе.

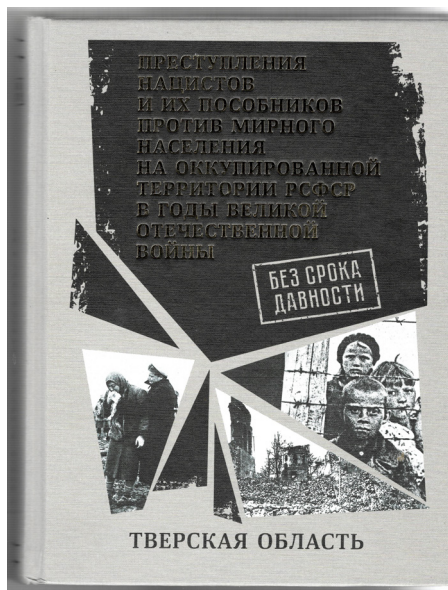
Прикоснись к ним ладонью и ощутишь тепло далекого детства.

Валерий Снеговский

На верхнем снимке: супруги Снеговские, д. Бенек

Об авторе: сын инженеров-танкостроителей Валерий Яковлевич Снеговский поступил в Калининское суворовское училище в 1947 году. После его окончания учился в танковом училище, служил офицером в войсках. В 1961 году, после «хрущевского сокращения» армии, поступил на переводческий факультет Института иностранных языков, одновременно учился на вечернем отделении факультета журналистики МГУ. Завершив образование, долгие годы работал корреспондентом ТАСС в странах тропической Африки (Камерун, Экваториальная Гвинея, Чад, Габон), в центральном аппарате ТАСС в Москве - редактором ежедневной сводки мировых событий, предназначенной для высшего руководства страны, затем три года корреспондентом ТАСС во Франции и вновь в центральном аппарате - главным выпускающим, директором Агентства справочной и научно-технической информации, членом Коллегии ИТАР-ТАСС. Выйдя на пенсию, вместе супругой Изольдой Ивановной, журналисткой, одной из создательниц французского издания «Московских новостей», свыше двух десятков лет прожил в д. Бенек Андреапольского района. Сейчас супруги Снеговские живут в Подмоскowie, но поддерживают тесную связь с андреапольским краем.

• Новые книги

Без срока давности

В московском издательстве ООО «Кучково поле» вышел фундаментальный труд «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Тверская область». Линия фронта проходила по территории области с 5 июля 1941 года. К середине октября 38 из 69 районов были заняты противником. Полное освобождение региона произошло в июле 1944 года, а уже в августе область приобрела иную территориальную конфигурацию. Три района были выделены во вновь образовавшуюся Псковскую область, 20 районов – в Великолукскую. Как отмечается в обращении к читателям губернатора Тверской области И.М. Рудени, «впервые в одном издании собраны рассекреченные архивные материалы о военных преступлениях фашистов против мирного населения на оккупированных территориях».

И стихи, и рассказы

Увидела свет книга Маргариты Петровой «Присев на лодочку луны». В предисловии член Союза писателей СССР (РФ), заслуженный работник культуры России Евгений Артюхов подчеркивает: «Будь моя воля, я бы так и назвал хотя бы стихотворную часть – В предвкушении чуда». И тем интересней, даже, сказал бы – настолько поражающе-авантюрной – звучат короткие поэтические признания, оттого что ты понимаешь: чуда-то никакого произойти не может, поскольку автор далеко не наивная девчонка... Но дело в том, что давно подмечено: взрослеем и старшемы внешне, а вот внутренне зачастую так и остаемся прежними молодыми, все чего-то ожидающими от жизни и верящими в эти ожидания. Не стареет душа с годами...» Читатель познакомится также с десятью короткими рассказами Маргариты Петровой. «Присев на лодочку луны» – ее четвертая книга. Отпечатана в АО «Тверская областная типография» (г. Ржев).

«И душа с душой говорит...»

Под таким названием в тверском издательстве «СФК-офис» вышла книга избранных очерков Валерия Кириллова. В авторском предисловии раскрывается суть издания: «На жизненном пути мне встретилось немало интересных, талантливых, увлеченных, преданных Отчеству людей, которых по праву можно назвать «солью земли». Очерки, вошедшие в книгу, посвящены некоторым из них. Думается, рассказ об этих людях особенно важен сейчас, когда сплошь и рядом мы сталкиваемся с фальшивыми, подменными «ценностями» и ложными «маяками». К сожалению, часть моих героев уже в мире ином. Но незримая связь с ними ощутима. Души нас, еще живущих на земле, постоянно разговаривают с их душами, соизмеряя свои мысли, дела, поступки с тем, что думали, делали и во что верили они».

Творческая встреча с Любовью Ширшовой

В Тверской картинной галерее прошла творческая встреча с вдовой Ефрема Ивановича Зверькова – академиком Российской академии художеств, доктором искусствоведения Любовью Васильевной Ширшовой. Встреча была приурочена к празднованию столетнего юбилея художника.

Помимо многообразия замечательных произведений, составляющих постоянную экспозицию этих залов, зрителям был представлен автопортрет мастера из фондов

Тверской областной картинной галереи, написанный им в 1953 году.

Младший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела галереи, искусствовед Анастасия Лебедева рассказала гостям о коллекции советского искусства галереи середины-второй половины XX века.

Центральным событием встречи стал рассказ Любови Васильевны Ширшовой, погружившей гостей в атмосферу художественной жизни того непростого периода и поделив-

шейся интересными фактами биографии Ефрема Зверькова, а также личными воспоминаниями о жизни этого талантливого живописца.

Н. Селиванова

Поэтический турнир в Дубне

В Дубне, в кафе “Высоцкий», состоялся финал открытого городского поэтического турнира “Ананасы в шампанском” – с выбором “Короля поэтов Дубны” и “Королевы поэзии Дубны”.

Турнир был задуман и проводился в честь 100-летия единственного в России и СССР турнира “Король поэтов”, прошедшего 27 февраля 1918 в Политехническом музее в Москве.

Тогда победил Игорь Северянин (Лотарев) – ему вручили большой миртовый венок и присвоили пожизненный титул “Король поэтов”. Он остался единственным королём поэтов на следующие 100 лет.

Второе место присвоили Владимиру Маяковскому, третье занял поэт-футурист Василий Каменский. (Кстати, Маяковский позднее в похожем турнире-дуэли проиграл Сергею Есенину).

И вот поэты Дубны решили возродить этот поэтический тур-

нир. Проводился он силами дубненского отделения Союза писателей.

Первые два тура прошли осенью 2019 и весной 2020 гг. Жюри определяло победителей по реакции зрителей в зале: по аплодисментам и крикам групп поддержки. В связи с эпидемией коронавируса в стране и запретом на проведение массовых мероприятий, завершение турнира пришлось перенести на 2021 год.

Соревнование поэтов проводилось только в очной форме – в живом общении друг с другом (видео и тексты стихов не принимались и не рассматривались). Кроме дубненских поэтов в нем приняли участие и авторы из городов тверской области – Кимры и Конаково.

Звание “Король поэтов Дубны-2021” было присвоено дубненскому поэту, члену Союза писателей России, автору трёх книг стихов – Сергею Соколову.

“Королевой поэзии Дубны-2021” была избрана член Союза писателей России и автор трёх книг стихов – Любовь Тетерина из города Кимры.

Не обошлось и без сюрпризов – неожиданно появился и второй «Король» поэзии. Им стал поэт и журналист Сергей Гор в стихийно возникшей в процессе выступлений номинации – “Король пародий Дубны-2021”.

Победителям были вручены дипломы и памятные медали.

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН,

руководитель Дубненского отделения Союза писателей.

• Редкие песни

Славное море – священный Байкал

Слова Д. Давыдова

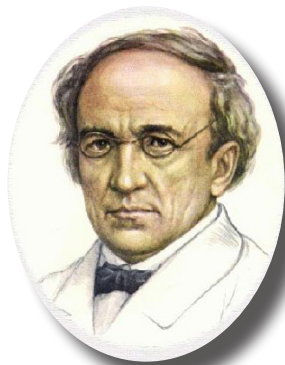
Славное море – священный Байкал!
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акаю,
Старый товарищ бежать пособил,
Ожил я, волну почуя.

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

Шёл я и в ночь, и средь белого дня,
Вкруг городов озираясь зорко,
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Славное море – священный Байкал,
Славный мой парус – кафтан дыроватый,
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Слышатся грома раскаты.

Федор Тютчев

(1803-1873)

О, ВЕЩАЯ ДУША МОЯ

О вещая душа моя!
 О сердце, полное тревоги, –
 О, как ты бьешься на пороге
 Как бы двойного бытия!..
 Так, ты жилища двух миров,
 Твой день – болезненный и
 страстный,
 Твой сон – пророчески-неясный,
 Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
 Волнуют страсти роковые –
 Душа готова, как Мария,
 К ногам Христа навек прильнуть.

Марина Цветаева

(1892-1941)

РОДИНА

О, неподатливый язык!
 Чего бы попросту – мужик,
 Пойми, певал и до меня:
 «Россия, родина моя!»
 Но и с калужского холма
 Мне открывалась она –
 Даль, тридевятая земля!

Золотой запас

Чужбина, родина моя!
 Даль, прирожденная, как боль,
 Настолько родина и столь –
 Рок, что повсюду, через всю
 Даль – всю ее с собой несудь!
 Даль, отдалившая мне близь,
 Даль, говорящая: «Вернись
 Домой!» Со всех – до горних звезд –
 Меня снимающая с мест!
 Недаром, голубей воды,
 Я далью обдавала лбы.
 Ты! Сей руки своей лишусь, –
 Хоть двух! Губами подпишусь
 На плахе: распрь моих земля –
 Гордыня, родина моя!

Николай Туроверов

(1899-1972)

* * *

Я знаю, не будет иначе.
 Всему свой черёд и пора.
 Не вскрикнет никто, не заплачет,
 Когда постучусь у двора.

Чужая на выгоне хата,
 Бурьян на упавшем плетне,
 Да отблеск степного заката,
 Застывший в убогом окне.

И скажет негромко и сухо,
 Что здесь мне нельзя ночевать,

В лохмотьях босая старуха,
 Меня не узнавшая мать.

Алексей Хомяков

(1804-1860)

ДВА ЧАСА

Есть час блаженства для поэта,
 Когда мгновенною мечтой
 Душа внезапно в нем согрета
 Как будто огненной струей.
 Сверкают слезы вдохновенья,
 Чудесной силы грудь полна,
 И льются стройно песнопенья,
 Как сладкозвучная волна.
 Но есть поэту час страданья,
 Когда восстанет в тьме ночной
 Вся роскошь дивная созданья
 Перед задумчивой душой;
 Когда в груди его сберется
 Мир целый образов и снов,
 И новый мир сей к жизни рвется,
 Стремится к звукам, просит слов.
 Но звуков нет в устах поэта,
 Молчит окованный язык,
 И луч божественного света
 В его виденье не проник.
 Вотще он стонет иступленный;
 Ему не внемлет Феб скупой,
 И гибнет мир новорожденный
 В груди бессильной и немой.